

ВОТ ЧЕМУ я не могу поверить, так это тому, что Александру Демичу — под семьдесят. Под семьдесят, а как же тогда блистательно сыгранный всего несколько лет назад Федор Протасов! Как же тогда бойкая «летка-енка», которую он неутомимо отплясывает, соревнуясь с внуком Сашкой, когда в доме собирается молодежь! А десятки километров, проходимых по осеннему лесу правого волжского берега в поисках любимых валуев — фирменного блюда хлебосольной Паны Сергеевны! А десятки лунок, пробуренных во льду метровой толщины в поиске самого крупного окуня сезона!

Его с полным правом можно назвать ровесником века. И все, что выпало на долю нашему двадцатому, все его потрясения и взлеты, его бури и штормы, его гигантские успехи и его драматические страницы стучались в сердце современника, будоражили его мысли, вовлекали в круг действия.

Впрочем, надо сразу поправиться: стучатся, будоражат, вовлекают, потому что современник еще и художник. А художнику мало таланта. Он ведь только тогда признается нами, когда его рука лежит на пульсе общества, когда его искусство активно вмешивается в жизнь.

Порой зрители удивляются: — Смотрите, из какой бы эпохи нашего века ни игрался спектакль, Демич вроде бы прямо оттуда, из этой эпохи выходит!

Может, не ахти, как тонко выражено, а в сущности верно. Именно из этой эпохи. Потому что каждую из этих эпох он пропустил через сердце, прощупал своими руками, ощутил ее на своей судьбе.

...Егор Булычов. Что ж, пусть подростком, юношей, а видел Александр Демич в своем тульском Венике таких купцов и промышленников, родившихся не на той улице, людей с оригинальными характерами и необычными причудами, ждавших и боявшихся революции, провинциальных Савв Морозовых.

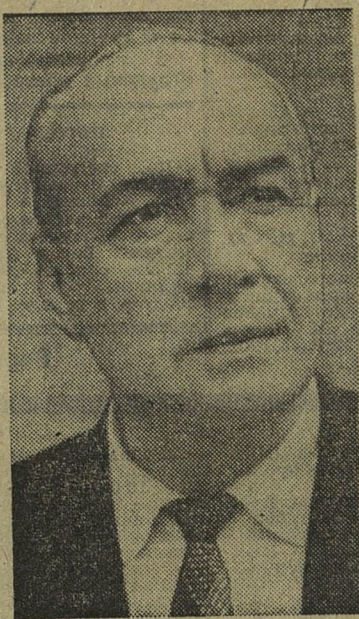
Полежаев. Разве забудет когда-нибудь Демич, как он с отрядом красноармейцев в Екатеринославле осматривал один особняк, подыскивая комнаты для размещения раненых. Думали, дом какого-нибудь купчика. Оказалось — учебного астронома. Астроном, считая, что пришли его арестовывать, забаррикадировался в кабинете и пока могучие плечи красноармейцев высаживали дверь, профессор выкидывал из окна в озеро свои астрономические трубы, считая, что всему приходит конец. А потом, когда те же красноармейцы, узнав, с кем имеют дело, ныряли на дно озера и вносили в дом медные трубы и какие-то длинные стекла, астроном обнимал их, грязных и мокрых, и говорил, что они вернули ему жизнь и веру в человека.

Рахманинский Полежаев, конечно, не тот профессор, но и екатеринославские мгновения войны влились органической, пережитой, прочувствованной частью в образ большого ученого, понявшего революцию и решительно вставшего на ее сторону.

Четыре раза за свою актерскую жизнь обращался Демич к образу Владимира Ильича Ленина. И не было сложнее того, который выведен Погодиным в «Третьей патетической». Там Ленин — в последний год своей жизни. Здоровье подорвано. Он смертельно болен. Но тот, кто видел Ленина — Демича, только угадывает это состояние. Ильич жизнерадостен, как никогда. Его покоряющий оптимизм передается всем, кто его окружает, будит в них веру в светлое завтра человечества.

Нельзя сказать, что драма Николая Погодина начисто освобождена от материала, который показывал бы больного, страдающего физически Ленина. Конечно, есть такой материал.

Но Демич помнит беспокойные толпы людей в дни великой скорби, охватившей планету. Помнит слезы, застывшие на щеках московских работ-

ставить, кто он, а старшее поколение зрителей сразу узнает партизанского командира Гулина из ромашовских «Бойцов».

А тот, плотный, решительный, с волевым лицом и все понимающими глазами, с четырьмя шпалами на петлицах? Ну, конечно же, полковник Митрофанов из «Барабанщицы» Салынского.

А у этого человека, тоже из правофланговых, вместо военной формы докторский халат и вместо пистолета скальпель. Но скальпель его — тоже оружие. Надежное и верное оружие в борьбе за жизнь. Потому что принадлежит оно врачу-большевику Платону Кречету.

О, сколько их! Тут и сознательно обрекший себя на гибель во имя спасения товарищей комиссар Горячих из «Крепости над Бугом», и свято верящий в силу партии

ТВОРЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

РОВЕСНИК В Е К А

ниц, окаменевшие, сведенные скулы металлостроителей «Красного профинтерна», помнит безлюдные и гулкие залы своего театра, который несколько дней пустовал. У актеров и у него самого не было сил играть.

И все это вместе рождало чувство необычайной слитности с народом, со своей необъятной, расправляющей плечи молодой Россией. Народ, который один в своем горе, как и в гневе, нельзя победить, нельзя свернуть с пути, начертанного тем, кого уже не стало. И отсюда, из этих морозных и трагических далей памяти, тоже пришли свои токи в игру актера, который не столько играл, сколько переживал на сцене своего удивительного героя.

Не здесь ли «ключик» к пониманию других его ролей? С какой радостью и искренней любовью играл он старого рабочего Забродина, одержимого одной только страстью — сделать все, что может и не может для торжества коммунизма, в который верит свято и твердо всю свою сознательную жизнь.

Актер шагал в ногу со своей эпохой, чутко улавливая биение ее пульса, отлично понимая ее задачи, которые она ставит перед художником. И это, пожалуй, то главное, что в сочетании с большим талантом на долгие годы определило его успех на сцене.

Я СИЖУ в маленькой гостиной Демичей, перебираю, перелистываю журналы с рецензиями, газетные вырезки, телеграммы и письма зрителей, театральные снимки. И постепенно в моем воображении вырисовывается фантастическая картина. Интеллигентный, всегда стеснительный в жизни Демич, вдруг генеральским басом (а он может при надобности и басом) отдает кому-то строгую и не позволяющую мешкать команду.

— Становись!

И вот откуда-то из темноты выбегают очень знакомые, и не очень знакомые, и даже забытые сегодня люди и выстраиваются в одну шеренгу лицом к командиру. Сколько же их! Если выстроить по четвертому — наберется не менее роты отличных бойцов. Потому что народ все в общем крепкий, боевой, задорный, кипящий энергией и стремлением к действию.

Не у всех оружие. Но это дело второе. Каждый умеет держать его. А вот тот на правом фланге, в распахнутом полушубке, с саблей и пистолетом — он хоть сейчас в бой. И глаза молодежато горят, во всей горячей его натуре — нетерпение. Молодежи сегодняшней трудно, конечно, пред-

коммунист Зотов из спектакля «Под одной из крыш», и тоскующий по большой правде, старый и прямой инженер Сартаков из «Совести».

И где-то островком в этой массе бойцов, чуть смущаясь необычным соседством стоят наивный и трогательный в своей доверчивости и беспомощности Царь Федор, благородный, пораженный людской подлостью мавр Отелло, растерявшийся под ударами жизни славный итальянец Альберто Стильяно, насмешливый Шоу.

И уж где-то совсем на левом фланге жмутся друг к другу и беспокойно озираются недоумевающие, как и почему они сюда попали, персонажи из того лагеря, который мы называем отрицательным. Но куда их денешь? Раз они сыграли, значит — в строй.

И новая команда:

— Шагом марш по своим местам!

И удивительное дело, только немногие уходят вглубь, в темноту, из которой вышли, чтобы раствориться там. А большинство тотчас же находят свои места в световых лучах памяти, где и остаются и живут в окружении тех, без кого ни действовать, ни жить не могут.

Четырежды играл Ленина Александр Демич. То есть играл-то много, но в четырех спектаклях. И в каждом Ильич представлялся нам какой-то одной своей главной стороной. В «Третьей патетической» — беспредельным оптимизмом, несокрушимой уверенностью в торжестве коммунистических идеалов. В шатровском «Шестом июля» Демич увидел Ленина-бойца, гениального стратега революции. В «Между ливнями» Штейна — философа, политика, умеющего мыслить глубоко и масштабно. А в «Старике в потертой шинели» Паустовского Демич показал, говоря словами Маяковского, «самого человеческого человека».

И в памяти зрителей, которым удалось увидеть все четыре работы Александра Демича, остается один Ленин, многогранный, живой.

Сегодня Демича знает вся страна. Недавно он награжден орденом Трудового Красного Знамени. Во время гастролей поездов в Москву о нем писали столичные рецензенты, ему аплодировали десятки тысяч влюбленных в его искусство зрителей. У него есть ученики. И первый среди них — его сын Юрий, который, несмотря на молодость, уже завоевал в театре прочное и авторитетное место. Рождается актерская династия.

Андрей ВЯТСКИЙ.